

Агния Купалина

**Радуга
Жизни**

18+

Агния Купалина

Радуга Жизни

<https://litres.ru/73073998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда быть столпом и есть вся жизнь. Это не слава, это работа. Тяжёлая. Но только на столп можно опереться, когда кругом ветер.

Судьба это не то, что с нами случается, а то, что мы выносим на своих плечах.

Марта, бывшая гимназистка с тонкой душой, оказывается на жертвенном алтаре семейного благополучия. Выданная отцом замуж за Антона человека с изломанной войной душой, буйного и страстного, она попадает в мир, где выживание важнее чувств. Это история о том, как из пепла обид, ледяного молчания и тяжёлого крестьянского труда вырастает Ковчег дом, построенный на крови, поту и запоздалом прощении.

Сквозь годы лесоповала, стук швейной машинки Подольск и таинственные пророчества старинной книги Рок Божий, Марта и Антон проходят путь от взаимной ненависти до глубокой, безмолвной привязанности. Эта сага о стойкости женщин, которые держат небо над семьей, и о том, как горький опыт предков превращается в математическую формулу счастья для их правнуков.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Агния Купалина

Радуга Жизни

Глава

«Человек рожден для счастья, как птица для полёта, только счастье не всегда создано для него». «Парадокс» Короленко, 1894 г.

Глава 1. Послевоенное эхо

Послевоенная тишина, густая и тяжёлая, медленно накрывала белорусскую землю. Но это была не тишина покоя, а тишина настороженности. Казалось, что сама земля ещё помнит каждый взрыв и каждый крик; даже шелест листьев был пронизан эхом минувшей войны. Деревенька, затерянная среди бескрайних лесов и извилистых речушек, приходила в себя. Отголоски прошлого, когда эти земли принадлежали Польше, – старинные песни и обычаи – всё ещё витали в воздухе, смешиваясь с запахом цветущей сирени и дымом из печных труб.

Марта, двадцатилетняя, невысокая, смуглая девушка с карими глазами, стояла на пороге новой, неопределённой жизни.

ни. Она помнила довоенные времена как смутный, почти нереальный сон. Тогда, в гимназии соседнего городка, её мир был наполнен мечтами о книгах, об учёбе. Она хотела продолжать учиться. Её мечта – учить деток, значит, прямая дорога в педагогический. Тем более что она любила математику – ясную, логичную науку, которая давалась ей легко и обещала светлое будущее.

Всё рухнуло осенью 1939 года. Очередной территориальный раздел привёл к прекращению её обучения и разрушил все планы. Марта видела, как тяжело привыкают взрослые к новой обстановке. Жизнь стала опаснее. Она слышала, как бабушка Аделаида Николаевна тихо плачет, после того как беда обрушилась на их семью: брат матери, Фома Голуб, простой слесарь, был арестован в 1939 году и расстрелян как «польский пособник».

События развивались стремительно. Новый страх. Война! Уже в первый месяц оккупации население поняло, что нужно привыкать к новым, жестоким условиям. Отец, Мирон Степанюк, ещё до войны работал на мельнице подручным и сторожем. С началом формирования подполья к нему пришёл друг детства, и мельница, став идеальным местом для связи, превратилась в его личный фронт. Мирон стал связным подполья.

Жизнь в оккупации была полна лишений. Семья жила в деревне, дети питались лесными дарами и тем, что отец приносил, торгуя на базаре в Вишнево.

Весной, 23 мая 1943 года, Мирон примчался с мельницы. С порога он сообщил страшную весть: немцы будут жечь деревню, мстя за попавшего в плен партизанам солдата. Он приказал Агафье собрать детей и немедленно отправиться в Журавцы к её родителям. «Как только освобожусь, сразу приду к вам!» – пообещал он.

Агафья с детьми добралась до Журавцов, но не смогла найти покоя. Её сердце болело за оставленную в Кражино корову. Попросив мать присмотреть за детьми, Агафья отправилась домой. Обрато она так и не вернулась, попав под облаву. Многие не прятались, потому что не верили, что к ним постучится беда, спрашивали: «за что?» Немцы начали облаву, хватали людей, стреляли в них... Кого-то сгоняли в сарай и расстреливали, кого-то сжигали прямо в доме. На месте гумна, где хранилось зерно, и случилась трагедия, леденящая кровь. Немцы принесли сухой соломы и поставили двух солдат в дверях. Крестьян группами пригоняли и открывали по ним очередь из пулемёта. Раненых и убитых бросали в одну кучу, а потом подожгли гумно и хаты. Горе было общим: 312 мирных жителей, из них 33 ребёнка, погибли в тот день. Дети и взрослые оплакивали гибель Агафьи.

Когда пришла беда, дети с Мироном остались в доме Голуб. Хотя тесть Михаил Михайлович и не любил своего зятя за то, что он ходил с гордо поднятой головой. Всегда следил за собой, и даже горе не сломило его осанку. За глаза он называл его «Павлином». Марта, как самая старшая, взяла на себя заботу о маленьком Никодиме. Остальные дети тоже не отставали, помогая по мере сил и стараясь облегчить бремя бабушки и дедушки.

Отца своего Марта любила, но не всегда понимала его. Чувствовала, что за его внешней красотой и осанкой скрывается что-то пугающее и непонятное, словно часть его души была заперта на замок. Это мешало ей по-настоящему сблизиться с ним.

Но жизнь продолжалась. Когда их район освободили, всё постепенно начало возвращаться в привычное русло. Но беда вновь не обошла семью Голуб.

Пришла «похоронка» – на старшего сына, Акима. Разведчик, военврач 3-го ранга, партизан-инструктор подпольного РКП(б) в 1944 году при прорыве блокады погиб. Вторая, тяжёлая волна горя накрыла семью.

Глава 2. Кражино, лето 1944 года

Марта разбирала камни на месте сгоревшего дома. Здесь, в Кражино, где она родилась, теперь стояло только пепелище. Руки болели, спина ныла, но останавливаться не хотелось – работа хоть как-то заглушала мысли. Может, удастся найти что-то уцелевшее, что-то из прежней жизни.

– Девушка, подскажите, где здесь можно найти старосту Голуба? – раздался мужской голос.

Она выпрямилась, отёрла лоб тыльной стороной ладони. Перед ней стоял молодой человек с планшетом под мышкой, в потёртой, но чистой гимнастёрке. Высокий, светловолосый, с открытым лицом.

– Михаил Михайлович? Это мой дед, – Марта оглянулась на выжженную деревню. – Но здесь его не найдёте. Он в Журавцах живёт. А вам зачем?

– Владимир Ковальчук, землеустроитель, – он протянул руку. – Из райцентра послали. Участки размечать нужно, границы восстанавливать. Дед ваш старостой на несколько деревень поставлен – и на Журавцы, и на Кражино, и на соседние.

Марта посмотрела на свои испачканные в глине и саже ру-

ки, и не подала своей.

– Степанюк Марта. Границы... – она оглянулась на пепелище, криво улыбнулась. – Тут границы размечать не на чем. Сожгли всё к чёртовой матери.

Владимир смутился, опустил руку: – Простите, я не подумал... Вы здесь одна?

– Приехала посмотреть, может, что-то осталось, – Марта снова наклонилась к обгорелым брёвнам. – Здесь наш дом был. Матери... могилы тут нет. Только пепел.

Нависла пауза. Владимир отложил планшет, снял гимнастёрку.

– Позвольте помочь?

– Вам же к деду в Журавцы надо.

– До вечера дойду. Четыре руки лучше, чем две.

Марта хотела отказаться – не привыкла она к чужой помощи, да и не верилось, что этот городской долго продержится. Но что-то в его простой готовности помочь, без лишних слов сочувствия и причитаний, остановило её. Кивнула.

Работали молча минут двадцать. Владимир не жаловался, хотя Марта видела, что руки у него не рабочие, что тяжело ему. Потом он неожиданно спросил:

– А вы из Кражино родом?

– Родилась здесь. Двадцать лет прожила, – она смахнула пот. – А после... той карательной операции мы с семьей у деда в Журавцах остались. Отец потом пришёл, нашёл нас.

– Отец жив? – в голосе послышалась искренняя радость.
– Это хорошо. Редкость сейчас.

– Жив, – коротко ответила Марта. О том, что мать погибла, сказать не смогла. Слишком больно было.

Владимир, видимо, почувствовал это и переменял тему:

– А что вы делали до войны? Учились?

Марта замерла, удивлённо подняла глаза. Давно её никто не спрашивал о том, прежнем времени.

– Училась. В гимназии, в городке. Математику любила, – вырвалось у неё, и она сама удивилась, как легко это прозвучало.

чало. Давно она об этом не говорила вслух.

– Математику? – в его голосе послышалось неподдельное уважение. – Это редкость для здешних мест. Девушка и математика... Продолжите учёбу?

Марта скривила губы: «Какая тут учёба? После гибели матери у меня на руках остался маленький братишка. Бабушке уже тяжело вести хозяйство, да ещё и ребёнка. Мне нужно помогать. Ладно. Устала я. Пойдёмте к деду, вам же он нужен. Проведу».

Поговорив с Михаилом Михайловичем, Владимир попросил разрешения прийти ещё раз. В следующее воскресенье Владимир стоял у калитки с небольшим свёртком в руках, который он подарил Марте. Оказалось, это книга по математике. Она была потрёпана, но для Марты стала дорогим подарком. Сразу сказала, что принять не может, но парень убедил, что это списанная в библиотеке книга, поэтому она не представляет особой ценности. Они вышли во двор. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в розово-золотистые тона. Марта всё ещё прижимала к груди книгу.

– Спасибо, – тихо сказала она. – За книгу. И... за всё остальное.

– Не за что благодарить, – Владимир остановился у калитки. – Я правду сказал. И деду, и вам. Марта, я... я сразу понял, когда увидел вас в Кражино. Вы не такая, как все. Вы сильная. И умная. И красивая. И мне не всё равно, что с вами будет.

Марта подняла на него глаза:

– Вы меня почти не знаете.

– Знаю главное, – он улыбнулся. – Знаю, что вы не сломались, хоть вам и досталось больше других. Знаю, что вы о братьях заботитесь, о стариках. Знаю, что у вас мечта есть – учить детей. Этого достаточно, чтоб понять: вы – тот человек, с которым я хочу быть.

– А если... а если я не смогу полюбить? – прошептала Марта. – Слишком много во мне боли. Слишком много потерь.

Владимир осторожно, словно боясь спугнуть, коснулся её руки:

– Тогда я подожду. Сколько нужно – столько и подожду. Но не уйду. Вот вам и обещание.

Марта молчала, глядя на его светлое, открытое лицо. И впервые за долгое время поверила, что, может быть, действительно есть место для чего-то хорошего в её израненной жизни.

– Приходите ещё, – тихо сказала она. – В воскресенье. Бабушка пироги печёт.

Владимир улыбнулся так, словно она подарила ему целый мир:

– Приду. Обязательно приду.

Он ушёл по просёлочной дороге, а Марта стояла у калитки, прижимая к сердцу книгу – первый подарок, первое обещание, первую надежду на то, что жизнь не закончилась на пепелище Кражино.

Глава 3. Воскресный обед

Журавцы, воскресенье

Марта проснулась ещё до рассвета. Сердце билось тревожно, словно перед экзаменом. Сегодня Владимир придёт на обед. Официально. Как жених.

Она тихо, стараясь не разбудить братьев, спустилась с печи. Бабушка Аделаида Николаевна уже хлопотала у печки.

– Встала, касатка? – негромко спросила старая женщина. – Помоги тесто замесить. Пирог с капустой сделаем и с картошкой. Мяса, правда, нет, но творог есть свой, яйца. Сготовим что сможем.

Марта молча принялась за работу. Руки привычно месили тесто, но мысли были далеко. Что подумает Владимир об их бедности? О том, что на столе не будет ничего особенного, никаких деликатесов? Городской человек, наверняка привык к лучшему...

– Не переживай ты так, – бабушка словно прочитала её мысли. – Коли человек хороший, ему не стол важен, а люди за столом. Владимир твой не из таких, что носом воротят.

– Бабушка, да я и не переживаю, – соврала Марта.

– Ага, не переживаешь, – усмехнулась старая женщина. – Потому и тесто месишь, будто врага душишь. Полегче, девка, полегче. Пирог должны быть с любовью, а не с яростью.

Марта невольно улыбнулась и ослабила хватку.

К полудню весь дом наполнился запахом свежей выпечки. На столе стояли пироги, квашеная капуста в глиняной миске, варёная картошка с укропом, огурцы солёные. Бабушка достала последние запасы сала и нарезала тонкими, почти прозрачными ломтиками.

– Вот и вся наша роскошь, – вздохнула она. – До нового урожая ещё дожить надо.

– Всё будет хорошо, – успокоила её Марта, хотя сама чувствовала комок в горле. Такой скромный стол. Для гостя, для жениха...

Михаил Михайлович надел чистую рубаху и сел у окна, притворяясь, что читает газету. На самом деле он каждую минуту поглядывал на дорогу. Братья – Витя и маленький Никодим – были вымыты до блеска и строго предупреждены вести себя прилично. Татьяна также не отставала от бабушки и Марты, помогала хлопотать с обедом.

– Придёт тот дядька с книжкой? – спросил Виктор. – Он правда про математику рассказывать будет?

– Не дядька, а Владимир Игнатьевич, – поправила Марта. – И веди себя прилично. Не приставай к нему с вопросами.

– А почему? Он же сам сказал, что расскажет!

Марта хотела ответить, но тут бабушка ахнула:

– Идёт! Марточка, скорей фартукними, косу поправь!

Марта выглянула в окно. Владимир шёл по дороге, в чистой светлой рубашке, с небольшим узелком в руках. Шагал уверенно, но лицо выдавало волнение.

Сердце Марты бешено заколотилось. Она быстро сдёрнула фартук, пригладила волосы, ущипнула себя за щёки, чтоб румянец появился.

– Господи, совсем девка извелась, – пробормотала бабушка, но в голосе звучала нежность.

Владимир постучал в дверь. Михаил Михайлович выдержал паузу – надо же показать, что не больно-то и ждали, – а потом громко гаркнул:

– Войди!

Владимир вошёл, снял фуражку, поклонился:

– Здравствуйте. С Божьей помощью, как говорят.

– Здравствуй, здравствуй, – кивнул дед. – Проходи, садись.

Владимир протянул узелок бабушке:

– Вот, привёз немного. Из города. Сахар и чай настоящий, не суррогат.

Аделаида Николаевна развернула узелок и ахнула. Там были не только сахар и чай, но и пачка печенья, и кусок настоящего сливочного масла.

– Батюшки, да это ж... Владимир, да как же так, это ж дорого!

– Не такая уж роскошь, – смутился Владимир. – В райцентре по карточкам дают. Я свои карточки копил. Подумал, в хорошем доме такое пригодится.

Михаил Михайлович хмыкнул, но глаза потеплели. Человек пришёл не с пустыми руками, значит, уважает хозяев.

– Ну, раз пришёл, садись за стол, – он указал на лавку. – Марта, наливай.

Марта поставила на стол горшок с щами и принялась разливать по мискам. Руки дрожали, и она боялась, что все это заметят.

Владимир сел, оглядел стол и улыбнулся:

– Вот это да. Я уже и забыл, когда в последний раз настоящие домашние пироги видел. В городе такого не сделаешь.

– Бабушка печёт, – тихо сказала Марта, ставя перед ним миску.

– А Марта помогала, – добавила Аделаида Николаевна. – Она у нас мастерица. И готовить умеет, и шить, и по хозяйству всё знает.

– Бабушка! – Марта покраснела.

– А что, правда же, – не смутилась старая женщина. – Коли человек пришёл серьёзно, он должен знать, кого в жёны берёт.

Повисла неловкая пауза. Маленький Никодим, который сидел на коленях у деда, нарушил молчание:

– А дядя Володя правда на тебе жениться хочет?

– Никодим! – ахнула Марта.

Но Владимир рассмеялся – легко, без смущения:

– Правда, хочу. Если твоя сестра согласится.

– А зачем? – с детской непосредственностью спросил мальчик. – Она же старая. Ей уже двадцать!

За столом раздался общий смех. Даже дед не удержался и фыркнул. Марта закрыла лицо руками от стыда.

– Двадцать – это в самый раз, – серьёзно ответил Владимир. – Не старая и не слишком молодая. Как раз чтоб хорошей женой быть и детей разумно воспитывать.

– А детей много будет? – не унимался Никодим.

– Сколько Бог даст, – дипломатично ответил Владимир, а потом добавил, подмигнув мальчику: – Но ты уже будешь как брат старший. Помогать будешь?

– Буду! – воодушевился Никодим. – Я сильный, я дрова колоть умею!

– Ты умеешь щепки ломать, – поправил его Витя. – Дрова колю я.

– Вот видите, – Владимир обвёл взглядом мальчишек, – какая хорошая семья. Работающая. Дружная. Это дорогого стоит.

Михаил Михайлович, который до этого молча хлебал щи, отложил ложку:

– Ладно, хватит цацкаться. Давай по существу, землеустроитель. Ты намерения свои объяви прямо. Чего хочешь? На Марте жениться – это понятно. А дальше что? Куда её повезёшь? Как жить будете?

Владимир выпрямился, встретил взгляд старика:

– Намерения у меня серьёзные, Михаил Михайлович. Жениться хочу, семью создать. Сейчас я в райцентре работаю, комнату снимаю. Небольшая, но чистая. Марту туда перевезу. Зарплата у меня постоянная – землеустроители нужны, работы много. Прокормлю семью. И Марте учиться помогу – в педагогический, если захочет. Вечернее отделение есть.

– А дети? – не отступал дед. – У неё братья малые. Никодиму три года всего.

– Братьев не брошу, – твёрдо сказал Владимир. – Помогать буду, чем смогу. И дровами, и продуктами. Марта – старшая сестра, она их не забудет, я это понимаю. И не прошу забыть. Просто... просто я хочу, чтоб у неё своя жизнь была. Чтоб не только на чужих детях, но и на своих мечта сбылась.

Марта сидела, потупив глаза, и чувствовала, как слёзы подступают к горлу. Никто никогда не говорил о ней так – будто она не просто рабочая сила, а человек с правом на счастье.

– А ты, девка, что молчишь? – повернулся к ней дед. – Твоё слово главное. Хочешь за него замуж?

Марта подняла глаза. Посмотрела на Владимира – на его светлое, открытое лицо, на руки, которые неделю назад помогали ей разбирать пепелище. Вспомнила книгу по математике. Вспомнила его слова: «Я подожду. Сколько нужно».

– Я... – она замялась, потом выдохнула: – Я ещё не знаю. Мне нужно время. Мы так мало знакомы...

– Это правильно, – неожиданно вмешалась бабушка Аделя. – Спешка тут ни к чему. Пусть Владимир приходит, вы

узнавайте друг друга. Летом успеете решить.

– А я и не тороплю, – Владимир посмотрел на Марту с такой теплотой, что у неё перехватило дыхание. – Сколько времени нужно – столько и будем знакомиться. Главное, чтоб Марта была уверена.

– Ну ладно, – кряхтя, поднялся Михаил Михайлович. – Поглядим на тебя, землеустроитель. Пирог ешь, чаю пей. И расскажи, что там в райцентре делается. Слухи всякие ходят – то одно, то другое.

Владимир с удовольствием взял пирог с капустой:

– Что рассказать-то? Восстанавливают всё потихоньку. Школу к осени обещают открыть, больницу ремонтируют. Людей не хватает – кто погиб, кто уехал. Учителей особенно ищут.

– Вот видишь, – Витя дёрнул Марту за рукав. – Говорил же тебе – иди учительницей! Тебя даже экзамены сдавать не заставят, сразу возьмут!

– Ну это вряд ли, – усмехнулась Марта. – Без образования не возьмут.

– А гимназия? – возразил Владимир. – Три класса – это уже база. А опыт наберёшь по ходу дела. Главное – желание учить.

– У меня есть желание, – тихо призналась Марта. – Только страшно. Вдруг не справлюсь?

– Справишься, – уверенно сказал Владимир. – Ты же с братьями справляешься, хозяйство ведёшь. А это сложнее, чем детей учить.

– Ну не знаю, – проворчал Михаил Михайлович, но видно было, что идея ему нравится. – Учительница в семье – это уважение. Это не колхозница какая-нибудь, а человек образованный.

Обед затянулся до вечера. Владимир рассказывал о своей работе, о городе, о планах по восстановлению района. Мальчишки слушали, разинув рты. Даже дед оттаял и несколько раз одобрительно кивнул.

Когда стемнело, Владимир засобирался:

– Спасибо за гостеприимство. За пироги спасибо отдельное – давно так вкусно не ел.

– Да что там, – смутилась Аделаида Николаевна. – Стол скромный, не обессудь.

– Не в столе дело, – Владимир надел фуражку. – В людях. Вы меня приняли, как родного. Это дороже любых деликатесов.

Марта проводила его до калитки. Над деревней всходила луна, большая и яркая. Было тихо, только сверчки стрекотали в траве.

– Спасибо, что пришли, – тихо сказала Марта.

– Спасибо, что позволила прийти, – ответил Владимир. – Марта, я понимаю, что тебе страшно. После всего, что случилось... Но я правда хочу, чтоб ты была счастлива. И я постараюсь, чтоб так и было.

– А если не получится? – прошептала она. – Если я не смогу быть такой женой, как вы хотите?

Владимир осторожно взял её руку:

– Я хочу, чтоб ты была собой. Не идеальной, не выдуманной – а настоящей. Вот такой, какая есть. С мечтами, со страхами, с болью. Я не ищу куклу, Марта. Я ищу человека. И,

кажется, нашёл.

Марта не отняла руку. Рука Владимира была тёплой, надёжной.

– Приходите ещё, – сказала она. – В следующее воскресенье. Если хотите.

– Приду, – пообещал он. – Обязательно приду. И каждое воскресенье буду приходить, пока ты не скажешь «да». Или «нет». Но я очень надеюсь на «да».

Он ушёл в ночь, а Марта долго стояла у калитки, глядя ему вслед. В душе шевелилось что-то новое, непривычное. Не любовь ещё – для любви слишком много боли было в сердце. Но надежда. Робкая, осторожная надежда на то, что жизнь не закончилась в сгоревшем гумне Кражино, что впереди может быть что-то светлое.

С каждым днём сердце Марты, долгое время скованное горем, оттаивало под лучами новой, юной любви. Владимир отвечал ей искренней взаимностью. Когда он решился сделать Марте предложение, старшие с радостью дали своё согласие. Решено было готовиться к свадьбе сразу после поста.

Именно в этот момент, когда в дом вернулась надежда,

Мирон решил поговорить с тестем и тётшей о своей дальнейшей жизни.

– Марта выходит замуж, – начал он. – Сейчас она заботится о Никодиме, но вешать эту обязанность на новую семью не гоже. Да и оставлять Никодима на попечении Аделаиды Николаевны тоже нельзя.

– Я встретил женщину, Ванду. Её муж уехал в Польшу ещё в тридцать девятом, но она осталась. У неё есть добротный дом в Воложине, своих детей нет, – Мирон смотрел на них, словно представляя деловой отчёт. – Я предложил ей выйти за меня замуж, объяснив всю нашу ситуацию. Она дала согласие. Таким образом, я решаю сразу две проблемы: с жильём для всех моих детей, Ванда женщина добрая, будет хорошей матерью для мальчика. Михаил Михайлович выслушал зятя. Все его доводы были логичны и прагматичны.

– Ну что ж, Мирон, коли так, – тяжело вздохнул тесть. – На том и порешим.

Семья, несмотря на странное чувство опустошения, стала готовиться к свадьбе. Мирон засобирался на мельницу: смолоть зерно для свадебного каравая.

Журавцы, через месяц после знакомства

Михаил Михайлович сидел на завалинке, набивая трубку табаком. Вечерело. Из дома доносился голос Марты – она читала сказку Никодиму. Старик прислушался и невольно улыбнулся: девка хорошая выросла, заботливая.

Калитка скрипнула. Во двор вошёл Мирон – высокий, статный, с выправкой, которую не смогли сломить ни война, ни потеря жены. Одет чисто, ботинки начищены. «Павлин», – привычно подумал Михаил Михайлович, но без прежней злости.

– Здорово, тесть, – Мирон присел рядом на завалинку.

– Здорово, – кивнул старик, протягивая кiset. – Кури.

Некоторое время они молчали, попыхивая трубками. Наконец Мирон заговорил:

– Как тебе жених Марты, Владимир?

– Владимир Игнатьевич Ковальчук, – подтвердил Михаил Михайлович. – Из райцентра. Работящий, непьющий, слово держит. Три воскресенья подряд приходил. С гостинцами, с

уважением. Девке книгу по математике подарил – она до сих пор над ней корпит по вечерам.

– Намерения у него серьёзные?

– Жениться хочет. Прямо так и сказал – при всех, не стесняясь. Марту в райцентр перевезти, комнату снимает. Обещал и учиться ей помочь – в педагогический, на вечернее. И нам с Аделаидой помогать обещал, с младшими.

Мирон задумчиво затянулся:

– И как ты к нему относишься?

– Одобряю, – коротко ответил Михаил Михайлович. – Не часто такие женихи попадаются. Человек с головой, с работой, с добрым сердцем. Марте повезло.

– Значит, одобряешь, – Мирон кивнул. – Ну что ж, твоё мнение для меня важно, тень. Но я хочу и сам с этим Владимиром познакомиться. Всё-таки дочь моя.

– Правильно, – согласился старик. – Отец должен знать, кому дочь отдаёт. Приходи в воскресенье.

Марта действительно летала на крыльях любви. Вскоре

Мирон привёз в Журавцы Ванду. Это была высокая, полная женщина, чьи манеры сразу выдавали в ней образованную, городскую даму. За ней тут же закрепилось прозвище «Графиня». Ванда принадлежала к роду Хребтовичей.

Когда Мирон сделал Ванде предложение, она открыла ему свою страшную тайну. Теодора, её мужа, арестовали и в 1940 году расстреляли как «польского террориста». Брак с Миронем решал и её вопрос: она меняла свою звучную, опасную фамилию на фамилию Степанюк, а взамен давала кров. Они как бы заключали брачный договор, каждый преследуя свою выгоду.

Мирон был потрясён. В одной семье теперь собиралось слишком много опасного: жена – дворянка и жена «врага народа». Брат первой жены, Фома Голуб, расстрелян как «польский пособник». Сам он был в оккупации, а не в армии. Он опасался, как этот клубок политически неблагонадёжных связей скажется на его детях.

А не кроется ли подобная тайна за образованным и слишком интеллигентным женихом, Владимиром?

И Мирон принял роковое для дочери решение: отложить свадьбу.

У него был давний знакомый, Степан Буйнов из Вишнево, отец четверых детей. Средний сын, Антон (Антось), подошёл Марте по возрасту. В шестнадцать лет он попал в облаву и был вывезен на работы в Германию. Вернулся в конце сорок пятого буйный и неуправляемый. Степан не раз уговаривал Мирона выдать за него Марту.

Мирон снова пошёл за советом к Михаилу Михайловичу Голубу. Он рассказал всю правду о Ванде и её муже и попросил тестя сохранить разговор в строжайшей тайне, потому что этот разговор стоил жизни.

– Я обеспокоен, – хрипло прошептал он, – а всё ли мы знаем о Владимире? Слишком уж он гладкий. А Антось? Рос парень практически на глазах, семья известная. Подводных камней не должно быть. Это наша безопасность.

Вечером того же дня, когда Марта и Владимир вернулись из сада, Мирон вошёл в комнату.

– Марта, Владимир. Свадьба откладывается, – объявил он.

– Что значит «откладывается», Мирон Степанович? – спросил Владимир.

– Значит, что возникли кое-какие обстоятельства, – отрезал Мирон. – Свадьба отменяется.

Он положил на стол мешочек с деньгами, которые Владимир давал на подготовку.

– Прощайте, Марта, – сказал Владимир тихо, понял намёк и быстро вышел. И что же Владимир так легко сдался? Столько говорил о своей любви... Стоит сказать, что за 10 минут до объявления Марте и Владимиру о отмене свадьбы, у Мирона состоялся разговор с Владимиром. Мирон вкратце рассказал о том, что в семье есть чёрные пятна в виде родного дяди Марты – Фомы Голуба, которого расстреляли как польского пособника. О том, что сам он был в оккупации. И ещё сказал, есть кое-какие детали, о которых лучше Владимиру не знать. И он просит его, ради блага дочери Марты, оставить их в покое. Так как, когда Марта будет поступать учиться, то будет подниматься вся подноготная. И учитывая обстановку нынешнюю, вылезшая правда может рикошетом отразиться на всех, и в том числе на нём, Владимире. И заявил, что разрешения на их брак он не даст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.